

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Э. А. Новгорода

ПАМЯТНИКИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ МНР

Изучение раннемонгольского средневековья началось, как известно, в конце прошлого века после открытия древнетюркских монументов. И хотя с тех пор миновало почти столетие, в течение которого древнетюркские памятники многократно становились предметом пристального внимания ученых — монгольских, советских, китайских, турецких и западноевропейских, однако мы еще не имеем полной публикации всех открытых к настоящему времени памятников и материалов. Работы С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова, Я. А. Шера, А. Д. Грача, Р. Ф. Итса, С. Г. Кляшторного, Э. Трыярского и др., раскопки в МНР, проведенные в разные годы Л. Йислом, Н. Сэр-Оджавом и В. В. Волковым, побуждают вновь вернуться к некоторым вопросам древнетюркского искусства. А открытие большой серии «оленных камней» и петроглифов бронзового и раннежелезного века ставит перед необходимостью рассмотреть генезис древнетюркского искусства в контексте с памятниками предшествующих эпох. Правда, рамки статьи не позволяют привлечь большой новый материал, мы используем его лишь частично, выбирая наиболее яркие и интересные, на наш взгляд, памятники архитектуры, скульптуры и графики.

Архитектура и скульптура Монголии в древности связаны столь органично, что порою неотделимы друг от друга. Уже в эпоху бронзы известны жертвенники в виде квадратных и прямоугольных выкладок из камней или курганов-керексуров, сочетающихся с рядами скульптур — «оленных камней». Раскопки показали, что чаще всего эти скульптуры устанавливались именно на жертвенных местах (возможно, поминальных памятниках) и реже были связаны с погребениями. То же можно сказать и о древнетюркских изваяниях. Ряды «оленных камней» — там, где удается проследить закономерность их расположения, — вытянулись с юга на север и обращены своей «лицевой» стороной на восток. Так же на восток «смотрят» и древнетюркские «каменные бабы».

Рис. 1. «Олений камень» из Агрын-бригады (Северная Монголия)

В последние годы В. В. Волковым открыто несколько «оленных камней», увенчанных скульптурными портретами. Наиболее интересное изображение высечено на стеле из Ушкийн-Увэра (Северная Монголия)¹. Известно такое изваяние в Агрын-бригаде (Северная Монголия) (рис. 1)². Автору этих строк удалось обна-

¹ В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия). — *Первобытная археология Сибири*. Л., 1975, с. 83, рис. 3.

² Б. И. Вайнберг, Э. А. Новгородова. Заметки о знаках и тамгах Монголии. — *История и культура народов Средней Азии*. М., 1976, с. 176, рис. 4.

ружить на юго-западе страны в Гоби-Алтайском аймаке стелу, на которой с одной стороны рельефно показан овал лица, а с другой — типично тюркская косичка. Судя по изображениям оленей «в летящем галопе» и по реалиям, висящим на поясе (ножи, кинжалы и боевые топоры карасукского типа эпохи бронзы), все эти памятники относятся к позднему этапу эпохи бронзы. Мы неоднократно отмечали на «оленных камнях» рельефные изображения серег, чаще всего в виде солнечного диска с лучами или без них. Отражение культа солнца, неба, небесного коня, оленя можно видеть едва ли не на каждом монументе скифского и доскифского времени.

В Гоби-Алтайском аймаке нами прослежена еще одна традиция, характерная именно для древнетюркского времени. В долине горной реки Бодончин-Гол, среди группы керексуров и каменных кольцевых выкладок протянулись два ряда «оленных камней» (всего их 12) — памятник, судя по рельефным изображениям оленей, коней и кабанов, типичный для эпохи бронзы. Все стелы обращены «лицевой» стороной на восток. В двух метрах от последнего «оленного камня» начинается ряд вертикально врытых «маяков», часть из которых специально обработана и отполирована. По форме они похожи на «оленные камни», но по размеру значительно меньше (высота их от 60 см до метра). На камнях этого ряда, также обращенных узкими, «лицевыми» сторонами на восток, мы не заметили никаких следов выбитых рисунков. Эти стоящие камни нельзя назвать «оленными», хотя они продолжают ряд стел и совершенно очевидно связаны единым комплексом. Для эпохи бронзы и скифского времени подобные ряды неорнаментированных камней, поставленных в один ряд с «оленными камнями», замечены впервые. Позднее же, во времена древних тюрков цепочки балбалов были распространены широко. Означают ли эти ряды камней на жертвеннике с Бодончин-Гола зарождение древнетюркского обряда, заключающегося в установлении балбалов, сказать трудно, хотя сходство поразительное.

Как видим, уже к концу II — началу I тысячелетия до н. э. в Западной Монголии намечается формирование определенных традиций, среди которых наиболее существенная — установка на жертвенных местах скульптурных монументов, изображающих мужчин с оружием. Кажется необъяснимым на первый взгляд исчезновение этой традиции в конце I тысячелетия до н. э. (в эпоху хуннов). На протяжении почти тысячи лет на территории Монголии не устанавливали каменных идолов, хотя, например, элементы «звериного стиля» все-таки частично сохранялись. Однако эта загадка может быть объяснена следующим образом. На западе Монголии в эпоху бронзы и раннего железного века обитали не монгольские племена, а европеоидные (не исключено, что частично это были ираноязычные народы, частично — прототюрк-

ские племена). Именно в этой среде зарождался «звериный стиль» и были распространены изображения колесниц. На востоке их современники, хоронившие покойников в «плиточных могилах», были носителями иного этноса и, что важно, — монголоидами. К концу I тысячелетия до н. э. племена хуннов продвинулись далеко на запад и северо-запад страны, подчинив своему влиянию остальные племена и утвердив свои нравы и традиции на этой территории. В среде подчиненных народов частично сохранялись и традиционные ремесла, орнамент и форма посуды, сохранились и элементы «звериного стиля». Но огромные монументы — двухметровые ритуальные изваяния, «оленные камни», которые в предшествующие времена возводились силами рода, при новых шаньюях не воздвигались. Напротив, порою «оленными камнями» забутовывали и укрепляли хуннские погребения, используя их как хороший строительный материал, и на какое-то время они утратили свое ритуальное значение.

Возродилась традиция высекания каменных статуй и установки их в жертвенных местах в древнетюркское время, причем интересно, что эта идея появилась в самом начале тюркской эпохи и широко распространилась на большой территории. Кстати, карта местонахождений каменных изваяний древнетюркского типа на монгольской земле накладывается на карту распространения «оленных камней». Скульптуры сидящих фигур, встреченные на восточной и гобийской территории, как правило, датируются более поздним временем, т. е. можно предположить, что первоначальным местом распространения «каменных баб» были все-таки западные и юго-западные районы.

Наиболее скромные архитектурные сооружения тюркского времени представляют собой каменные ящики и жертвенные места. О городах и поселениях известно очень немного. Однако и самого общего знакомства с тюркской архитектурой было бы достаточно, чтобы заметить, что даже при строительстве погребальных и жертвенных комплексов центр внимания был перенесен из-под земли на поверхность. Шла ли речь о дворцах или погребениях, правители всегда стремились воздвигнуть монументы, возвеличивающие память об их подвигах. Неудивительно, что древнетюркская эпоха в искусстве ассоциируется с каменными изваяниями, которые сотнями и тысячами были рассеяны на обширной земле их обитания и которые повсюду сохраняли свои специфические черты.

Монгольские изваяния изображают мужчину в головном уборе, в халате с глубоким запахом слева направо и с широким поясом, сплошь покрытым бляшками. Непременным атрибутом является сосуд в правой согнутой в локте руке. Левая рука иногда сжимает кинжал. Так же, как и «оленные камни», древнетюркские статуи обычно ставились в оградках или около них в память об умершем. Как на ранних монументах («оленных камнях»), так и на

тюркских изваяниях показаны головные уборы, серьги, богатый пояс с оружием. Орнаментация поясов на изваяниях в разные эпохи различна. Что касается вооружения воинов, то в эпоху бронзы и в скифское время преобладали луки и стрелы, отсутствующие на каменных бабах.

Тюркские изваяния, так же как «оленные камни», не всегда можно назвать скульптурой. Лишь в редких случаях это был конкретный портрет. Как правило, на хорошо отесанном каменном столбе валялась голова, шея и плечи. Иногда давались лишь общие очертания. Часто скульптурное изображение заменялось рисунком и резьбой. В таких случаях руки, детали халата, пояс и оружие были показаны рельефной линией. Исключение составляют каменные скульптуры на поминальных памятниках в честь каганов, их сподвижников и полководцев. Крупнейший и наиболее исследованный среди них — храмовой комплекс в честь принца и полководца Кюль-тегина (рис. 2—4). Этот памятник был исследован Н. М. Ядринцевым (1889 г.), Гейкелем (1890 г.), В. В. Радловым (1891 г.). Наконец, в 1957—1958 гг. в Кошо-Цайдаме работала чешско-монгольская экспедиция под руководством Л. Йисла и Н. Сэр-Оджава. Хотя в ходе раскопок была вскрыта лишь часть памятника в честь Кюль-тегина, однако по результатам можно судить о характере и архитектуре этого сооружения и предложить первый вариант его реконструкции (рис. 3). Территория размером 67,25 × 29,25 м была окружена мощной глинобитной стеной толщиной около метра. Прямоугольник, образуемый стеной, был вытянут с запада на восток. Стена поверху была крыта черепицей, снаружи ее окружал ров глубиной до 2 м, который прерывался лишь у самых ворот на востоке.

В центре двора помещалась дворцовая постройка. Она представляла собой небольшое квадратное здание (10,25 × 10,25 м), отличавшееся простой и четкой планировкой. Вся постройка была водружена на специально насыпанной земляной насыпи, образовавшей фундамент здания в форме усеченной пирамиды (цоколь — 13 × 13 м), поднимавший его более чем на один метр.

Фасад здания был обращен на восток, навстречу лучам восходящего солнца. На восток же были обращены и ворота. Стела с тюркским текстом была ориентирована своей широкой стороной также на восток. На восток смотрели статуи.

Внутри здания некогда были четыре центральные колонны. Между ними и находился алтарь, а на них, мы считаем, базировался верхний ярус крыши. На 12 внешних колоннах держался нижний ярус крыши. Колонны не сохранились. Они, видимо, были сделаны из дерева, что вполне соответствовало местным традициям. Остались на своих местах лишь каменные базы с пазами для закрепления колонн; они сохранились до настоящего времени. В общих своих чертах внешний вид дворца мало отличался от ти-

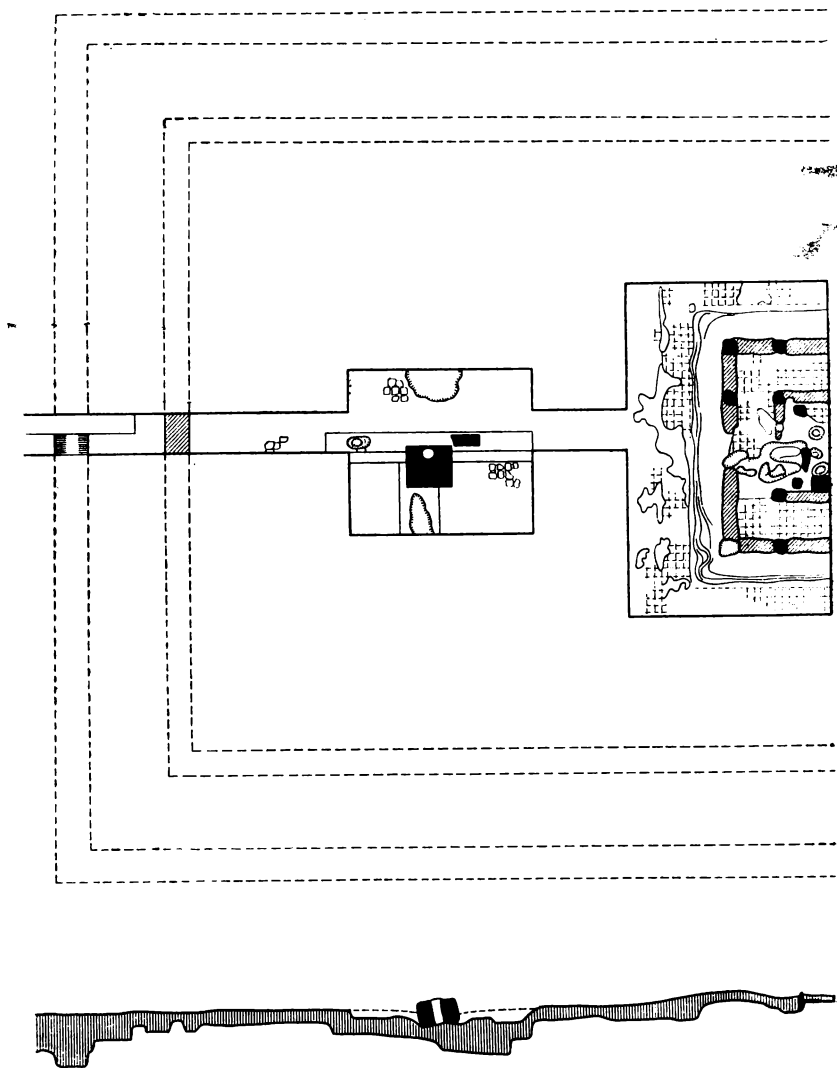
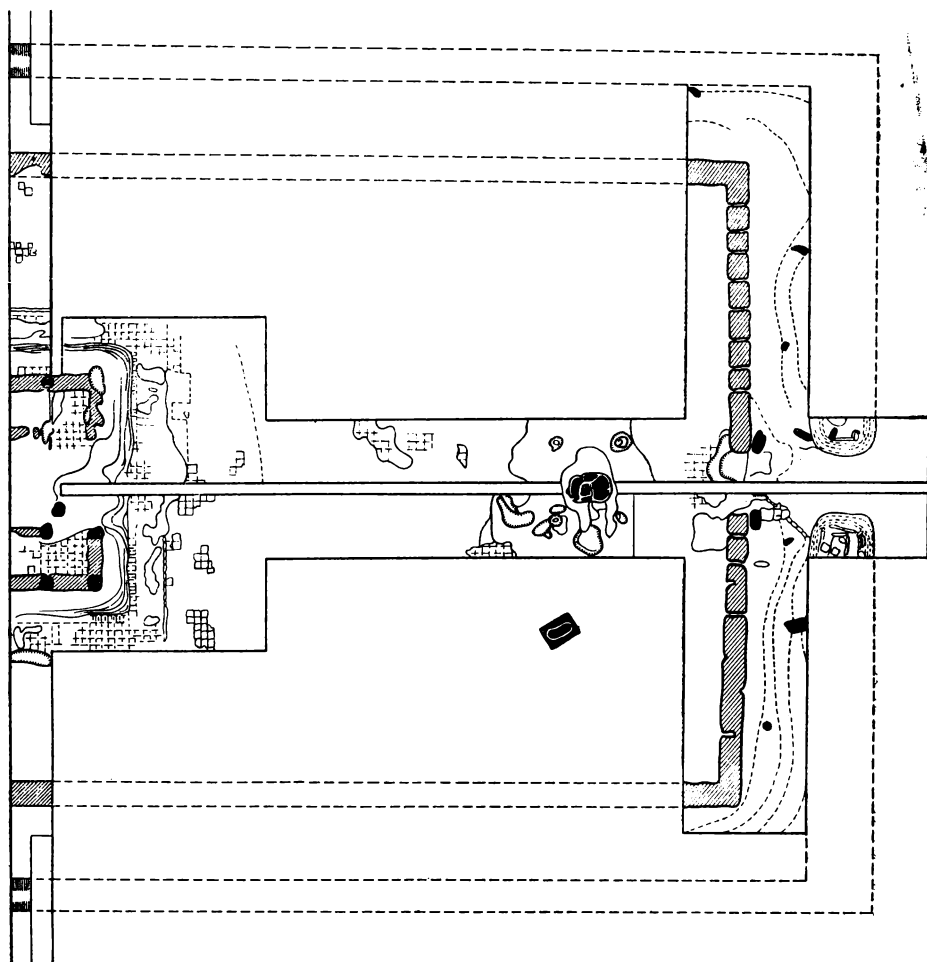

Рис. 2. План и профиль раскопа

пично буддийских храмов XVI—XIX вв. По планировке он повторял более древние сооружения, о чем можно судить, сравнив его с хуннскими языческими храмами.

Итак, можно допустить, что храм в честь Кюль-тегина имел внешний ряд колонн, на которых держался нижний ярус крыши,

памятника в честь Кюль-тегина

несший на себе тяжелую черепицу. На четырех центральных колоннах базировался второй ярус крыши. Именно здесь в полумраке храма — свет проникал только через дверной проем — и совершалось ритуальное захоронение урны с прахом великого полководца. Здесь-то в центре здания в глубокой яме был найден

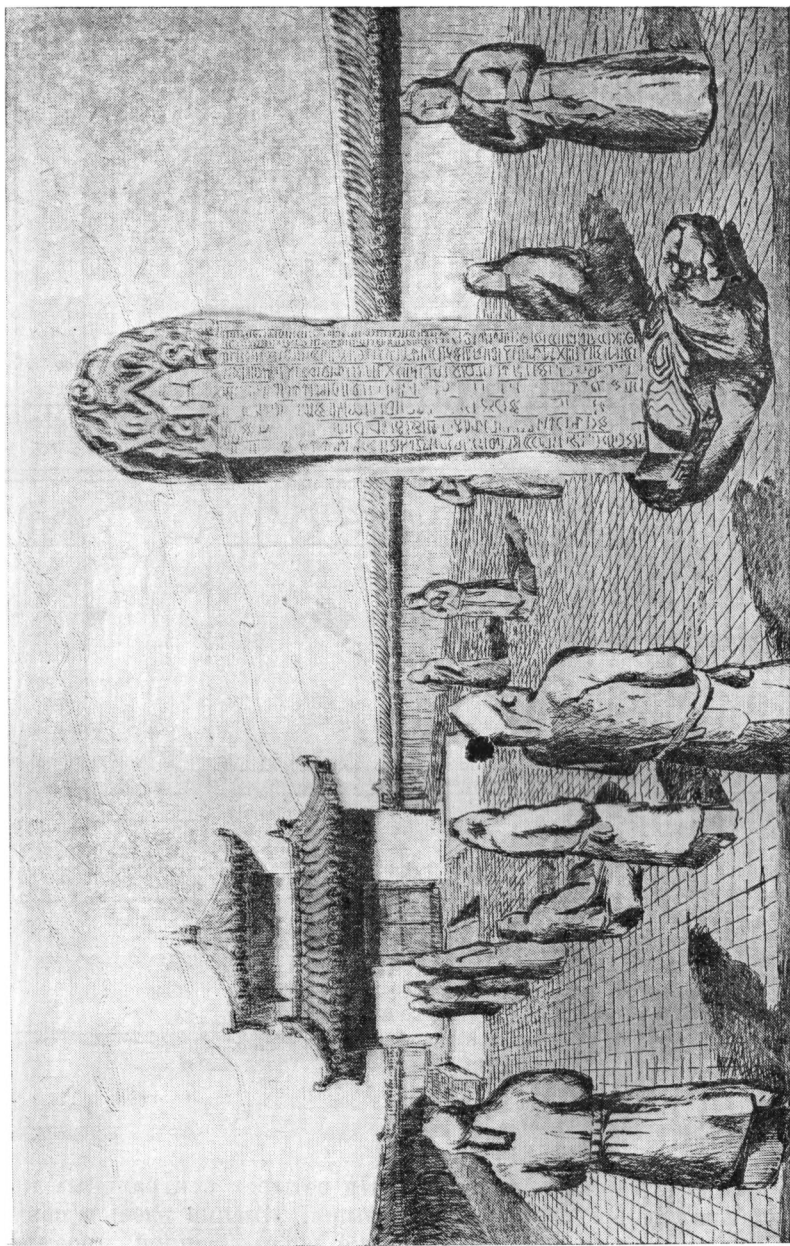

Рис. 3. Памятник в честь Кюль-тегина (реконструкция автора)

большой сосуд, над которым помещалась статуя сидящего Кюльтегина. Рядом стояла статуя, очевидно, его жены.

Здание это имело бесспорно культовое значение. Оно было построено ради одного человека и принадлежало ему уже после его смерти. Росписи на стенах (до нас дошли лишь небольшие фрагменты штукатурки), о которых сообщает китайская хроника, восхваляли величие его подвигов, так же как и тексты на каменной стеле, поставленной недалеко от храма.

Как сам храм, так и площадь вокруг него не были местом официальных приемов или ритуальных торжественных церемоний.

Видимо, лишь один раз после окончательного сооружения комплекса по главной аллее двора прошла поминальная траурная процессия, в которой можно было увидеть и посла китайского императора, и представителей далеких забайкальских соседей — курыкан, кыргызов, огузов (имена представителей и названия племен упомянуты в надгробной стеле³).

Что же представляла собой эта внутренняя площадь двора? Вся ее поверхность была выложена квадратными кирпичами (0,33 × 0,33 м). До нас дошли лишь их остатки или следы глинисто-известковой обмазки между ними. На основании этих следов и воспроизведен двор на нашей реконструкции (рис. 3).

Широкая аллея, протянувшаяся с запада на восток, соединяла вход во дворец и большие ворота. Вдоль аллеи были установлены два ряда каменных статуй. Внутри двора по обе стороны от ворот, ширина которых равнялась 2,9 м, стояли мраморные фигуры баранов, обращенных головами друг к другу. Недалеко от ворот находился прямоугольный резервуар для воды. Здесь же экспедиция Л. Йисла и Н. Сэр-Оджава обнаружила и керамические трубы, предназначавшиеся для стока дождевой воды.

В восьми метрах от ворот, как раз перед входом во дворец, лежала каменная черепаша, служившая постаментом для стелы. Сама стела, которая содержит надгробные эпитафии на двух языках, сохранилась почти полностью (рис. 4).

В задней части двора, скрытый от глаз зданием, лежал (он и теперь лежит там же) большой каменный куб с круглым углублением наверху. Предполагается, что он предназначался для жертвоприношений.

Среди находок экспедиции Л. Йисла и Н. Сэр-Оджава едва ли не самыми интересными были скульптуры, обнаруженные в святилище храма. Это изображения принца и его супруги. Судя по обломкам, они были изображены сидящими, правая фигура — с традиционным сосудом в руке.

³ W. R a d l o f f. Die alttürkische Inschriften der Mongolei. St.-Pbg., 1895.

Рис. 4. Стела с надписями в честь Кюль-тегина

Изображение Кюль-тегина в высоком головном уборе передает индивидуальные черты сильного человека с решительно сжатыми губами и тяжелым волевым подбородком⁴. Скульптор не стремился польстить оригиналу, он не скрыл ни возраста (это действительно портрет человека сорока с лишним лет), ни неприятливости лица. Каменный лик впечатляет не красотой, а скрытой силой и энергией.

Второй мраморный портрет (вернее, обломок его — рис. 5), как теперь общепризнано, — изображение жены Кюль-тегина. Его отличают красиво и четко очерченные губы (подобный рисунок рта весьма характерен для монголоидных лиц), почти квадратный подбородок, нос с тонкими очертаниями ноздрей. Усталые складки морщин, идущих от крыльев носа, выдают не молодой уже возраст. Перед нами не нежная красавица, а умудренная жизнью женщина с сильным характером, непреклонная в своих решениях.

⁴ L. J i s l. Kül-tegin anıtında 1958'de yapılan arkeoloji arařtırmalarının sonuçları. — «Türk tarih kurumu basımevi». Ankara, 1963 (Belleten. Cilt 27.107), с. 387—410, рис. 11, 12.

Во всяком случае, эти уникальные портреты древнетюркской скульптурной галереи отличаются большой индивидуальностью.

Остальные монументы комплекса в честь Кюль-тегина — это каменные статуи вельмож, приближенных, возможно, дипломатов и послов, показанных стоящими, сидящими, коленапреклоненными. Эти уникальные скульптуры образуют длинный ряд между дворцом и черепахой. Хотя от тюркской эпохи до наших дней дошли сотни каменных изваяний, однако скульптурная группа Кошо-Цайдама отличается от всех остальных и тщательностью проработки деталей, и многообразием типов и, может быть, их особым назначением. К сожалению, они плохо сохранились и ныне все стоят без голов. Среди статуй особенно интересны три. Они высечены в полный рост, с руками, сложенными под грудью. У одной в руках сосуд, у другой — какой-то предмет вроде кнута (рис. 6). Две фигуры имеют левый запах халата и скрупулезно проработанный пояс со всеми деталями и свисающими ремнями. Третья фигура, стоявшая ближе других к выходу, значительно

Рис. 5. Фрагмент мраморного изваяния из дворца Кюль-тегина

отличается от всех известных нам скульптур Монголии. Это мраморное изваяние показано в прямом платье без пояса с правым запахом. Своеобразная деталь — изящный платок в руках, ниспадающий мягкими складками. Пожалуй, это единственная из копоцайдамских фигур, которую по характеру одежды можно назвать не тюркской. Возможно, она изображает одного из китайских (по тексту — табгачских) послов и дароносцев, оплакивавших Кюль-тегина, рано отлетевшего на небеса.

Вторую группу памятников древнетюркского искусства составляют петроглифы. Рисунки этой эпохи широко известны от Монголии до Туркестана, от Забайкалья до Южной Сибири и Якутии. Это рисунки, оставленные курыканами на р. Лене, кыргызами на Енисее, уйгурами в горах Алтая. Чаще всего петроглифы вырезались по камню острым предметом. По сюжету преобладают сцены охоты на диких животных, военные сцены с вооруженными воинами, всадниками в доспехах. Излюбленное изображение среди

Рис. 6 (а). Статуя из комплекса в честь Кюль-тегина (вид спереди)

Рис. 6 (б). Статуя из комплекса в честь Кюль-тегина (вид сзади)

тюркских петроглифов — конь с подтянутым животом, длинными сухими ногами, тонкой длинной шеей и легкой маленькой головой. Всадники вооружены луками и колчанами или — чаще — длинными копьями со знаменами. Четырехугольные знамена всегда нарисованы с длинными древками и тремя развевающимися кистями. В монгольских горах часто встречаются изображения всадников, выбитые тонкой или широкой линией. Таково, например, контурное изображение всадника, обнаруженное нами в горах Южно-гобийского аймака в Хатанбулаг-сомоне в местности Барунбичигт. О древнетюркском возрасте можно говорить на основании следующих деталей: плюмаж, выстриженная грива, круглые сбруйные бляхи на лошади. Характерна также посадка всадника боком, с развернутым анфас туловищем. (Эта поза сохранилась у скотоводов Монголии вплоть до наших дней.) Одна рука всадника держит повод, другая опущена.

Наряду с легковооруженными всадниками, у которых были только лук и стрелы, у тюрков немалую роль играла и тяжело-вооруженная кавалерия. О том, как выглядела эта армия, мы

узнаем из письменных источников, а в настоящее время также и по наскальным гравировкам.

Самым интересным памятником среди петроглифов тюркской эпохи является сцена военного похода, выбитая в горах Монгольского Алтая (рис. 7).

Этот памятник был открыт нами летом 1972 г. севернее г. Кобдо, в широком ущелье Сальхадын-Бильчерын-застын, на южном склоне горы Хар-хад (Эрдэнэ-бурэн сомон). Скала с изображениями всадников сложена из светло-коричневого песчаника. Петроглифы выбиты на единственной в этих горах большой отполированной природой поверхности. Рисунок, высеченный в верхней части скалы на высоте более 10 м от ее подножия, отчетливо виден снизу.

На этой отвесной скале выбиты конь, олень, барс, козлы, бараны и пять всадников в доспехах и шлемах. Всадники вооружены копьями, воины и кони защищены броней. В верхней части писаницы выбиты конь и олень, перед ними два тяжеловооруженных всадника с копьем, а сзади пеший воин со сложносоставным луком. Наконец, еще два всадника в доспехах высечены в нижней части писаницы. Они расположены друг над другом, головы их повернуты вправо. Изображение не завершено: один из всадников показан без брони, хотя выбито копьё, что свидетельствует о тяжелом вооружении, а фигуры человека и коня имеют такой силуэт, будто они покрыты броней, только не показаны ее детали, как у остальных.

Кроме всадников на этой же скале выбиты фигуры диких козлов-янгиров и баранов-архаров.

Осмотр памятника не оставляет сомнений в том, что не все фигуры выполнены одной рукой и одновременно. Прежде всего выделяется группа козлов, баранов, барса, оленя, верблюда, изображения которых представляют собой сплошной силуэт. Три янгир — и это особенно важно — перекрыты сверху фигурами всадников. О более поздней дате последних в данном случае свидетельствует и более светлый «загар» рисунка.

Все рисунки выбиты или сплошным силуэтом (животные), или — по контуру (тяжеловооруженные всадники). Среди силуэтных изображений выделяются две группы. Первая — козлы, бараны и верблюд, вторая — конь с крючкообразно загнутым хвостом и олень.

Силуэтные рисунки первой группы (дикие козлы и бараны), не имеющие специфических черт, могут быть сравнимы с петроглифами разных эпох, но тем не менее они не древнее скифо-тагарского времени (так как верблюд показан с уздечкой) и старше той эпохи, когда были выбиты вооруженные всадники. Вторая группа — конь и олень. По стилю изображения коня значительно отличается от коней, закованных в броню: иная линия изгиба шеи, другая морда, иначе трактованы круп и ноги. Ближайшие аналоги

Рис. 7 (а). Сцена военного похода, выбитая в горах Монгольского Алтая (Хар-хад)

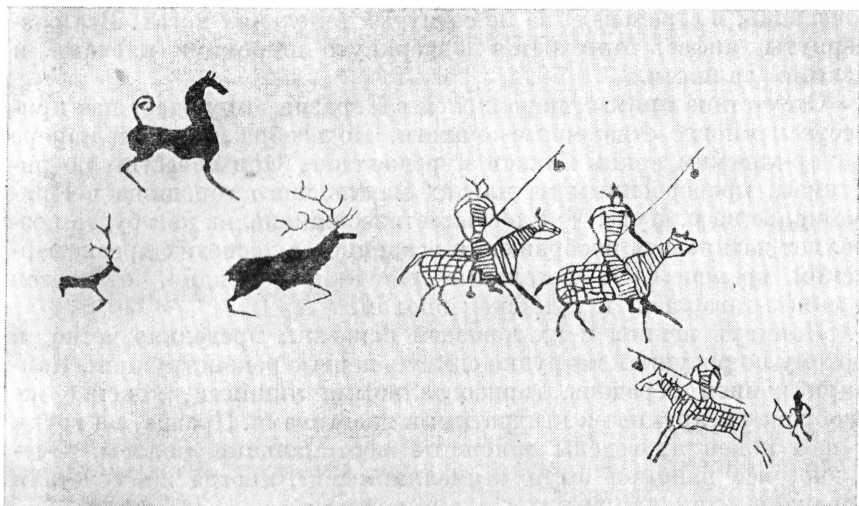

Рис. 7 (б). Сцена военного похода, выбитая в горах Монгольского Алтая (Хар-хад). (Прорисовка)

коню с крючкообразным хвостом — изображения таштыкской культуры из Южной Сибири и глиняные фигуры ханьской эпохи⁵. Эти параллели позволяют отнести монгольские изображения к хуннскому времени. В этом же убеждает и чисто стилистическое сходство с фигурами из бронзы и петроглифами хуннского времени из Монголии: рисунки из ущелья Яманы-ус датируются профильными экипажами ханьского типа и тамгами хунно-сарматского времени⁶.

Наконец, вернемся к центральным фигурам писаницы горы Хар-хад — к всадникам. Все они выбиты неширокой контурной линией. Коня по стилю изображения отличаются от всех ранее известных: от рисунков коней эпохи энеолита, коней бронзового века, впряженных в колесницы, коней, изображенных на «оленных камнях» (скифо-тагарская эпоха) и, наконец, от коней хуннского времени, например впряженных в профильные экипажи⁷.

То же самое можно сказать об изображении людей: подобных не было известно до сих пор в Центральной Азии ни среди рисунков скифского, ни хуннского времени. Люди показаны стоящими

⁵ «Вэнь у». 1977, № 10, с. 24.

⁶ Б. И. Вайнберг, Э. А. Новгородова. Заметки о знаках и тамгах, с. 175, рис. 5.

⁷ В. В. Волков. Древние колесницы Монгольского Алтая. — Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1972, с. 80—81, рис. 5, 6.

(очевидно, в стременах) на не согнутых в коленях ногах. Все развернуто анфас; отличаются подчеркнуто широкими плечами и узкими талиями.

Отсутствие прямых параллелей в Евразии вынуждает нас привести немногие отдаленные аналоги. По изобразительной манере к хар-хадским коням близки курыканские. Они известны по рисункам, прочерченным на плитах манхайского городища в Прибайкалье на р. Куде. Чисто стилистический анализ как будто позволяет датировать изображения всадников в доспехах древнетюркским временем. А остальные рисунки, очевидно, относятся к скифо-тагарской и хуннской эпохам.

Панцири воинов и их лошадей показаны предельно четко, и потому по рисункам нетрудно сделать первые реконструкции. Панцири воинов переданы горизонтальными линиями, конские же изображены крупными квадратными пластинами. Правда, на груди и шее коней проведены сплошные вертикальные полосы. Очевидно, все панцири были «лямеллярными», иногда же сочетали признаки «лямеллярных» и «ламинарных».

Что касается доспехов, то здесь изображено два их вида: один состоял из наспинной и нагрудной частей с лямками на плечах и застежками с боков. Другой полностью повторял крой тюркского халата, застегивался спереди, а сзади посередине имел разрез для того, чтобы было удобнее сидеть на лошади.

Весьма характерны остроконечные шлемы с длинным пером. Такие шлемы были распространены в древнетюркской армии на широкой территории — от Восточной Европы до Японии (IV—IX вв.). Аналогичные шлемы изображены на кыргызской писанице из Сулека (Хакасия) и на болгарском сосуде из Надьсентмиклоша в Венгрии⁸.

К концам пик были привешены круглые бубенчики. Такие же украшения изображены на копьях и в Восточном Туркестане (VI в.)⁹.

Конские доспехи состояли из двух частей и имели прорезь для хвоста. Голову лошади защищали металлические покрытия. Ремни узды и седло украшали кисти.

Итак, на петроглифах горы Хар-хад показан строй тяжеловооруженных воинов — типичные катафрактары со всеми необходимыми реалиями: оборонительными доспехами на воинах, длиной до самых щиколоток, с доспехами на лошадях и непременным оружием тяжеловооруженных всадников — длинными пиками. Эти петроглифы на основании разнообразных параллелей могут быть отнесены к древнетюркскому времени. И они еще раз подтверждают неоднократные упоминания письменных источников о существовании доспехов в эту эпоху в Центральной Азии.

⁸ G. y. L'ászló. L'Art des Nomades. Budapest, 1972, с. 146, 147.

⁹ A. Grünwedel. Alte Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. B., 1912, с. 218.